

Цитируется по: <http://www.mapryal.org/itogi/germany.shtml>

Об особенностях речевого поведения русскоязычного населения Германии

1. В результате глубоких миграционных процессов последних двух десятилетий в Германии, а также и в других странах Европы, Азии и Америки образовались и продолжают образовываться русские диаспоры. По данным Федерального ведомства Германии по статистике (Statistisches Bundesamt Deutschland) на территории данной страны проживает около семи с половиной миллионов иностранцев разных национальностей, которые стремятся сохранить свои национальные черты (см. <http://www.destatis.de>, 25.01.2005). Таким образом Германия постепенно превращается в поликультурное общество, в котором сосуществуют разные культуры и языки. В их ряду существенное место занимают русские традиции и обычаи людей, эмигрировавших в Германию из бывшего Советского Союза, Российской Федерации и других стран постсоветского пространства; их в настоящее время насчитывается около трех миллионов (см. <http://www.bva.bund.de>, 25.01.2005). Поэтому не удивительно, что процессы формирования поликультурного общества привлекают все большее внимание языковедов, социологов, культуроведов, психологов и историков.

2. Язык русского зарубежья уже давно привлекал внимание исследователей, но в последнее десятилетие стал предметом особенно интенсивных научных исследований как в России (Голубева-Монаткина 1995, 1998, 2001; Жданова/Трубчанинов 2001; Земская 2000, 2001; Протасова 1998 и др.), так и за рубежом (Andrews 1999; Meng 1995). В них исследуется речь русских диаспор в США, Канаде и Франции. Их авторы пытаются прежде всего дать определение речи мигрантов, вскрыть причины употребления заимствований в русском контексте, показать механизмы этого процесса, определить стратегии говорящих при употреблении конкретного языка и т. д. Однако специфика речи русскоязычного населения в Германии на сегодняшний момент еще мало изучена. Отдельные статьи были посвящены общему обзору проблемы (Steinke 2000, Жданова/Трубчанинов 2001), анализу русскоязычных газет (Протасова 1996) и анализу устной речи мигрантов (Жданова/Трубчанинов 2001; Земская 2001, Goldbach 2005).

Данная статья посвящена вопросу речевого поведения русскоязычных мигрантов так называемой "четвертой" волны. Это люди, эмигрировавшие в Германию начиная с 1990-ых годов навсегда и в основном по экономическим причинам, таким как:

- нестабильное экономическое положение в родной стране,
- получение в Германии постоянного и хорошо оплачиваемого места работы,
- обеспечение будущего детей,
- получение образования в немецких вузах,
- получение хорошего медицинского обслуживания,
- улучшение бытовых условий.

Среди других причин следует назвать:

- стремление избежать в родной стране дискриминации (например, при получении престижной должности) или преследования из-за национальности,
- заключение брака,
- воссоединение семьи.

(Выводы сделаны на основе высказываний опрошенных мигрантов.)

В Институте иностранных филологий Магдебургского университета в рамках кандидатской диссертации магистр Элла Хандке под руководством профессора Ренате Беленчиковой провела

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

исследование русской речи русскоязычных мигрантов, проживающих в г. Магдебург (земля Саксония-Ангальт). Материал данного исследования составляют магнитофонные записи естественной, неподготовленной устной речи общей длительностью примерно 35 часов. Ею было опрошено 23 человека; среди них мужчины и женщины в возрасте от 25-ти до 65-ти лет, эмигрировавшие в Германию из Российской Федерации, Украины и Узбекистана в конце 1990-ых годов. Преобладающее число пробандов - люди с высшим образованием и немалым профессиональным опытом. В целом это довольно гетерогенная группа, состоящая из:

- контингентных беженцев еврейской национальности (Kontingentfluechtlinge),
- немецких поздних переселенцев (Spaetaussiedler) и
- русскоязычных людей, переехавших в Германию по разным причинам (напр. в связи с учебой или заключением брака (Heiratsmigranten).

3. При изучении речевого поведения мигрантов в немецкоязычном окружении учитывались не только причины, побудившие мигрантов переехать в Германию, и их готовность к интеграции, но и языковая компетенция пробандов в немецком языке. Важно отметить, что в связи с эмиграцией жизненная ситуация опрошенных радикально изменяется, и их соприкосновение с новой культурой начинается в большинстве случаев без солидной подготовки.

Высказывания опрошенных пробандов подтверждают результаты и выводы вышеуказанных научно-исследовательских работ, по которым до 80% русскоязычных мигрантов на момент эмиграции в недостаточной степени или вообще не владели немецким языком (ср. Протасова 1996, с. 52; 2000, с. 50, и Жданова 2001, с. 275). По неофициальным данным более половины поздних переселенцев, подавших в 2000 г. заявление на постоянное место жительства в Германии, не смогли справиться с простым языковым тестом, проводимым немецкими инстанциями. Это связано с тем, что лишь немногие из мигрантов занимались немецким языком самостоятельно или с репетитором до переезда в Германию. Минимальная языковая компетенция, трудности при признании полученной квалификации, а также сложная ситуация на немецком "рабочем" рынке приводят к тому, что многие представители среднего и старшего поколения остаются без работы и довольствуются государственными социальными пособиями. (Например, в земле Саксония-Ангальт около 21% трудоспособного населения являются безработными, см. <http://www.statistik-portal.de>, 25.01.2005).

Изменив место жительства и попав в иноязычное окружение, мигранты оказываются в ситуации двуязычия, контакта двух языков - русского (родного) и немецкого. Немецкий язык становится для них языком общения с новым окружением, возможностью реализовать себя в чужой стране. Одновременно они сохраняют и ценят русский язык и поддерживают связь с "первой" родиной, с родственниками и друзьями, имеют доступ к русскому телевидению, русскоязычной литературе, печати и видеофильмам.

Помимо этого в больших городах имеются "институционализированные" возможности общения; например, в Магдебурге у русскоязычного населения есть возможность общаться друг с другом в рамках еврейской общины и социально-культурного объединения "Меридиан".

Речевое поведение русскоязычных мигрантов выявляется в употреблении ими немецкого и русского языков в повседневной жизни. При этом определенную роль играют как место коммуникации, так и собеседники. Так, в новом языковом окружении мигранты (по мере своей языковой компетенции) используют немецкий язык в официальных учреждениях, больницах и клиниках, на новом рабочем месте, в магазинах, в учебных заведениях, в библиотеках и т. д. Они общаются с сотрудниками учреждений, с врачами, коллегами по работе, соседями, продавцами, преподавателями и студентами, с прохожими на улице, с партнерами-немцами и детьми в семейном кругу и т. д. Таким образом, мигранты представляют собой своего рода сцену, на которой проявляют себя результаты контакта двух языков: прежде чем выбрать язык, говорящий взвешивает и оценивает всевозможные варианты.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

4. В своих исследованиях мы придерживаемся концепции "широкого" понимания билингвизма: Билингвами считаются такие индивиды, которые в повседневной коммуникации регулярно пользуются двумя языками и могут переключаться с одного языка на другой в зависимости от коммуникативной ситуации. О билингвизме данной концепции речь идет даже тогда, когда данное "переключение" реализуется в ситуациях ограниченного диапазона и с ограниченным инструментарием языковых средств (ср., напр., Lüdi 1996 b, с. 322). Большинство опрошенных мигрантов являются представителями т. н. "асимметричного билингвизма" с доминирующим первым (русским) языком. У билингвов есть возможность выбора между одноязычным и двуязычным модусом. В ситуациях, когда уместен один язык, второй язык как бы отключается. Если же собеседники определяют для себя коммуникативную ситуацию как двуязычную, то при таких обстоятельствах говорящие могут использовать коммуникативные возможности двух языковых систем, а границы между языками становятся взаимопроницаемыми. Это приводит к разнообразным проявлениям языкового контакта, о которых речь будет ниже.

Во многих научных работах, посвященных сравнительному анализу языка билингвов, в основном рассматриваются отклонения от стандартной (литературной) нормы одного из языков, выявляются языковые уровни, наиболее подверженные влиянию другого языка, анализируется, например, состояние русского языка в немецкоязычном окружении с точки зрения его сохранения или разрушения. Таким образом, при анализе коммуникативной нормы билингвов используются модели, инструментарии и мерки кодифицированного языка монолингвов. Такая практика исследования представляется не совсем надежной. В частности, понятие *интерференции* оказывается трудно совместимым с концептом двуязычной языковой компетенции, так как оно всегда связано с нарушением нормы в рамках одноязычной коммуникативной группы (Juhász, 1980, S. 646; Bechert, 1991, S. 3; Pütz, 1994, S. 156). Очевидно, необходимо различать кодифицированную норму одного языка и двуязычную норму (ср. Földes, 1999, S. 38).

Поэтому во многих работах, связанных с проблемами билингвизма, используется термин "трансференция", подразумевающий процесс переноса элементов, признаков и правил языка А в язык Б (ср., напр., Clyne 1980, с. 641-642).

5. В данном анализе различаются разные типы трансференции в русской речи русскоязычных мигрантов, отражающие контакт русского и немецкого языков.

При представлении зафиксированного материала условно используется смешанная транскрипция латинским и кириллическим алфавитом (так называемая "литературная" транскрипция), так как фонетические особенности речи опрошенных мигрантов не являются предметом данного исследования. Предварительный анализ собранного материала позволяет на данном этапе работы кратко представить нижеследующие наблюдения, которые в рамках данной статьи ограничиваются явлениями лексической и семантической трансференции.

5.1. Лексическая трансференция

5.1.1. В русской речи мигрантов очень часто встречаются немецкоязычные вкрапления. Их употребление тесно связано с вопросом межъязыковой (не)эквивалентности и со стремлением к языковой экономии. Эти аспекты влияют на успех или неудачу акта коммуникации. Высокую частотность употребления обнаруживают, напр., следующие вкрапления:

Amt (учреждение/отдел),

Arbeitsamt (биржа труда),

Bewerbung (лексема, не имеющая в русском языке однословного эквивалента;

"заявление о приеме на работу, о назначении на должность или о зачислении в учебное заведение"),

Heim (приемный пункт для мигрантов),

Kontingentfluechtling (контингентный беженец),

Sozialhilfe (социальная помощь) и др.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

Очень часто немецкие слова в исходной форме подвергаются русским типам словоизменения в соответствии с синтаксической конструкцией, напр.:

И, конечно, смотрю часто на *Angebot-ы*, которые существуют в магазинах.

От *Arbeitsamt-a* мне предлагались курсы. Я писала *Bewerbung-u*.

Они сначала получают деньги от *Jugendamt-a*.

Они жили в *Heim-e*. год.

5.1.2. Последствием контакта двух языков в речи мигрантов являются материальные заимствования из немецкого языка. В этой связи нужно отметить, что границы между немецкими вкраплениями и заимствованиями довольно расплывчаты. Во многих случаях трудно определить степень узуализации немецких элементов в русской речи мигрантов. Однако высокая частотность употребления некоторых номинаций позволяет полагать, что они уже не индивидуальны, а вошли в лексическую систему русского идиома данной группы говорящих. Так, лексема *термин* (Termin, "деловая встреча, назначенная на определенное время по обоюдной договоренности") зафиксирована в опросном материале около тридцати раз. Такие примеры касаются прежде всего случаев временной нулевой эквивалентности немецких лексем в русском языке, в частности, наименований реалий общественной жизни в Германии.

В процессе заимствования немецкие слова могут подвергаться одновременно и морфологической и словообразовательной ассимиляции, напр.: *мельдоваться* (от нем. sich melden - становиться на учет), *фермитовать* (от нем. vermieten - снимать квартиру), *путцать* (от нем. putzen - убирать, чистить), *шпарить* (от нем. sparen - экономить).

5.2. Семантическая трансференция

5.2.1. Для речевого поведения мигрантов характерно образование и употребление семантических калек. Так, немецкие сложные слова определенных типов калькируются атрибутивно-субстантивными наименованиями, напр.: *детские деньги* (от нем. Kindergeld), *социальная помощь* (от нем. Sozialhilfe),

Помимо "точных" калек (Lehnuebersetzung) встречаются и "неточные" (Lehnuebertragung), напр., *страховка здоровья* (от нем. Krankenversicherung, буквально: "страховка для больных"), *страховая карта* (от нем. Versichertenkarte "карта застрахованного"). Не все "калькированные" словосочетания являются удачными номинациями: так, напр., в кальке *безработные деньги* (ср. нем. Arbeitslosengeld "деньги для безработных") русское субстантивированное прилагательное "безработный" как эквивалент первого компонента немецкого сложного слова (der Arbeitslose) синтаксически сочетается как прилагательное. Тем самым нарушается стандартная семантическая сочетаемость компонентов, что отражается на ложной "внутренней форме" номинации.

Часто калькируются немецкие глагольно-именные словосочетания, в особенности с функциональными глаголами haben и machen, напр.: *делать планы* (от нем. Pläne machen), *делать диплом* (от нем. ein Diplomstudium machen), *иметь впечатление* (от нем. den Eindruck haben), *быть на социале* (нем. Sozialhilfe bekommen, Sozialhilfeempfänger sein).

В речи опрошенных мигрантов наблюдается также образование полукалек, напр.: *сделать Anmeldung* (от нем. eine Anmeldung machen, sich anmelden), *подать/поставить Antrag* (вместо: подать заявление, от нем. einen Antrag stellen), *иметь Termin* (от нем. einen Termin haben).

Во многих случаях путем семантического калькирования расширяется лексико-синтаксическая сочетаемость русскоязычных компонентов данных глагольно-именных словочетаний; таким образом семантический трансфер сопровождается синтаксическим, напр., *поставить Antrag на что-н.* (от нем. einen Antrag **auf** etw. stellen, ср. рус. подать заявление **о** чем-н.).

Немецкие кальки и полукальки с процессуальным значением употребляются в основном для номинации узуальных, типичных действий и ситуаций, связанных с посещением официальных инстанций, с оформлением документов и т. д.

В большинстве случаев кальки обозначают важные реалии нового социального окружения, которые либо не имеют аналога в повседневной жизни страны происхождения, либо возникли на "первой" родине уже после эмиграции пробандов.

В образовании калек с одной стороны отражается стремление говорящих к языковой экономии, с другой стороны к выражению специфических значений или к языковой точности.

5.2.2. Под влиянием немецкого языка некоторые иноязычные слова русского языка приобретают новые значения, напр.: *приватный* (частный/собственный, от нем. privat), *актуальный* (непросроченный/действительный, от нем. aktuell/gültig), *редуцированный* (по сниженной цене, от нем. reduziert), *реальность* (действительность, от нем. Realität), *функционировать* (работать/действовать, от нем. funktionieren).

5.2.3. В речи мигрантов наблюдаются "неточные" словообразовательные кальки, которые реализуют продуктивные словообразовательные модели русского языка, но восходят к образцам немецких слов, напр., *квартиросдатель* (от нем. Vermieter "лицо, сдающее /квартиру/ внаем", ср. у Лопатина 1999 кодифицированное русское слово *квартиросдатчик*). Следующие примеры мотивированы многословными наименованиями и образованы путем суффиксации (материальной или нулевой) от производящих основ прилагательных: (социальная помощь) социаль/ный/ - *социаль-щик* (ср. нем. Sozialhilfeempfänger), (учреждение по социальному обеспечению) социаль/ный/ - *социал-* (1) (ср. нем. Sozialamt).

Многословные наименования-кальки (ср. 5.2.1.) подвергаются продуктивным способам универбации, напр., *социальная помощь* (ср. нем. Sozialhilfe) - *социалка* (суффикс к/а/), *социал* (2) (усечение производящей основы по аббревиатурному способу).

В результате трансференции в речи русскоязычных мигрантов при обозначении новых реалий возникают синонимические ряды, ср. *социальная помощь* - *социал* - *социалка*. Кроме того, помимо номинаций-калек синонимично употребляются и немецкоязычные вкрапления. Таким образом, в целях удачной коммуникации осуществляется и лексическая и семантическая трансференция.

Изучение трансференции не в последнюю очередь утверждает результаты синхронного сопоставления контактных языков, в частности, в области языковой номинации, и может обогащать лингвистические знания о данных предметах.

6. Собранный материал содержит многочисленные примеры проявления контакта двух языков. Другим важным аспектом исследования является определение своего рода "статуса" речи русскоязычных мигрантов. Авторы некоторых работ определяют язык русского зарубежья как социолект (напр., Жданова/Трубчанинов 2001, с. 284). Однако опрошенные русскоязычные мигранты характеризуются лишь двумя общими для них социальными параметрами: они являются представителями четвертой волны эмиграции и проживают в Германии. Поэтому мы рассматриваем их русскую речь как региональный вариант русского языка, имеющий специфические нормы в условиях двуязычия.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

Полный анализ собранного материала, обобщения и окончательные выводы будут представлены после завершения работы.

Упомянутая литература

1. Голубева-Монаткина, Н. И. (1995): Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции. В: Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской Академии наук. Москва: Институт русского языка РАН, 1/95, с. 70-92.
2. Голубева-Монаткина, Н. И. (1998): О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья). В: Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской Академии наук. Москва: Институт русского языка РАН, 1-2/98, с. 88-96.
3. Голубева-Монаткина, Н. И. (2001): Эмигрантская русская речь. В: Русский язык зарубежья. Красильников Е. В. (Ред.), Москва: Эдиториал УРСС, с. 8-68.
4. Жданова, В.; Трубчанинов, Д. (2001): Некоторые особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры в Германии. В: Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV), Bd. 4. Böttger, Katharina (Hrsg.), München: Otto Sagner, S. 274-285. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники, Bd. 12)
5. Земская, Е. А. (2000): Речевой портрет эмигрантки первой волны. В: Русский язык сегодня. Крысин, Л. П. (Отв. ред.), Москва: "Азбуковник", с. 100-121.
6. Земская, Е. А. (2000): Функции американизмов в речи русских эмигрантов. В: Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. Иомдин, Л. Л.; Крысин, Л. П. (Отв. ред.), Москва: Языки русской культуры, с. 91-101.
7. Земская, Е. А. (2000): Функции словообразования в языке русского зарубежья. В: *Si owotwórstwo a inne sposoby nominaci*. Kleszczowa, Krystyna; Selimski, Ludwig (Hrsg.), Katowice: Wydawnictwo Gnome, S. 141-146.
8. Земская, Е. А. (2001): Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке. В: Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. Москва: Языки славянской культуры, с. 68-76.
9. Земская, Е. А. (отв. ред.) (2001): Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография. Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 53).
10. Земская, Е. А. (2001): Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования. В: Русский язык в научном освещении. Москва: Языки славянской культуры, 1/2001, с. 114-131 (= *Studia philologica*)
11. Лопатин, В. В. (ред.) (1999): Русский орфографический словарь. Москва: Азбуковник.
12. Протасова, Е. Ю. (1996): Особенности русского языка у живущих в Германии. В: Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской Академии наук. Москва: Институт русского языка РАН, 1/1996, с. 51-71.
13. Протасова, Е. Ю. (1998): Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии. В: Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской Академии наук. Москва: Институт русского языка РАН, 3-4/1998, с. 202-206.
14. Andrews, D. R. (1999): Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States. Amsterdam-Philadelphia (= *Studies in Language and Society*, Vol. 5)
15. Bechert, Johannes; Wildgen, Wolfgang (1991): Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
16. Clyne, Michael G. (1980): Sprachkontakt/Mehrsprachigkeit. In: Lexikon der germanistischen Linguistik. Althaus, Hans Peter (Hrsg.), Tübingen: Niemeyer, S. 641-646.
17. Földes, Csaba (1999): Zur Begrifflichkeit von "Sprachenkontakt" und "Sprachenmischung". In: Assimilation - Abgrenzung - Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur. Lasatowics, Maria Katarzyna; Joachimsthaler, Jürgen (Hrsg.), Frankfurt a. M.: Lang, S. 33-54.
18. Goldbach, Alexandra (2005): Deutsch-russischer Sprachkontakt. Deutsche Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin. Frankfurt a. M.: Lang (= *Berliner Slawistische Arbeiten*, Bd. 26).

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

19. Juhasz, Janos (1980): Interferenzlinguistik. In: Lexikon der Germanistischen Linguistik. Althaus, Hans Peter (Hrsg.), Tübingen: Niemeyer, S. 646-652.
20. Lüdi, Georges (1996 a): Mehrsprachigkeit. In: Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Goebel, Hans (Hrsg.), Berlin, New-York: de Gruyter, S. 233-245. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft; Bd. 12, Halbbd. 1)
21. Lüdi, Georges (1996 b): Migration und Mehrsprachigkeit. In: Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Goebel, Hans (Hrsg.), Berlin, New-York: de Gruyter, S. 320-327. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft; Bd. 12, Halbbd. 1)
22. Meng, Katharina (1995): Sprachfähigkeiten, Sprachentwicklung und sprachliches Handeln bei Aussiedlern in Deutschland - empirische Zugänge. In: Deutsch lernen: Zeitschrift für den Sprachunterricht mit ausländischen Arbeitern. Heft 1. Pädag. Verl. Burgbücherei Schneider, S. 68-78.
23. Pütz, Martin (1994): Sprachökologie und Sprachwechsel: die deutsch-australische Sprechgemeinschaft in Canberra. Frankfurt am Main: Lang (= Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft; Bd. 19)
24. Steinke, Klaus (2000): Russisch in der Diaspora. In: Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Zybatow, Lew. N. (Hrsg.), Frankfurt am Main: Lang, S. 753-766. (= Linguistik International; Bd. 4)